

Научная статья

УДК 81'362

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_35

Vanitas в среднефранцузском романе «Chevalier errant» Томмазо Салуццо (эволюция кодекса чести рыцаря в XIV веке)

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

amanuhina@mail.ru

Аннотация.

В статье анализируется эволюция кодекса чести рыцаря в XIV веке на материале сочинения Томмазо Салуццо «Chevalier errant». Материал исследования представляет особый интерес, так как произведение было создано на пересечении культур (французской и итальянской) и эпох (Средневековья и Возрождения). Появление культурного феномена *vanitas* существенно повлияло на восприятие идеалов рыцарства. Нравственные стереотипы XIV века вербализованы в тексте произведения различными языковыми средствами. Цель статьи – выявить и описать оценочные структуры, формирующие специфику кодекса чести рыцаря.

Ключевые слова: нравственные стереотипы рыцарства, среднефранцузский язык, оценочные конструкции.

Для цитирования: Манухина А. О. Vanitas в среднефранцузском романе «Chevalier errant» Томмазо Салуццо (эволюция «Кодекса чести рыцаря» в XIV веке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 35–40 DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_35

Original article

Vanitas in the Middle French Novel “Chevalier errant” by Tommaso Saluzzo (the evolution of the “Knight’s Code of Honor” in the XIV century)

Alla O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

amanuhina@mail.ru

Abstract.

The article is devoted to the analysis of the evolution of the “Code of Honor of a knight” in the XIV century on the material of the work of Tomaso Saluzzo “Chevalier errant”. The research material is of particular interest, since the work was created at the intersection of two cultures (French and Italian) and epochs (the Middle Ages and the Renaissance). The emergence of the cultural phenomenon of *vanitas* significantly influenced the perception of the ideals of chivalry. The moral stereotypes of the XIV century are verbalized in the text of the work by various linguistic means. The purpose of the article is to identify and describe the evaluation structures that form the specifics of the “Knight’s Code of Honor”.

Keywords:

moral stereotypes of chivalry, Middle French, evaluative constructions

For citation:

Manuhina, A. O. (2022). Vanitas in the Middle French novel “Chevalier errant” by Tommaso Saluzzo (the evolution of “The Knight’s Code of Honor” in the 14th century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (868), 35–40 DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_35

ВВЕДЕНИЕ

«Кодекс чести рыцаря» – особое явление в европейской культуре, возникшее в X веке вместе с выделением рыцарства как отдельной социальной группы. С X по XIV век представления рыцарства о нравственных ценностях претерпели существенные изменения, и эта эволюция нашла отражение в письменных памятниках эпохи, особенно в художественных произведениях.

Цель статьи – выявить особенности, произошедшие к XIV веку в кодексе чести рыцаря, основываясь на анализе среднефранцузского сочинения Томмазо Салуццо «Chevalier errant», которое объединяет в себе черты куртуазно романа и эпического произведения в стихах.

Материал исследования представляет особый интерес, так как в статье впервые дается лингвистическое описание среднефранцузского текста, выполненного в Пьемонте, т. е. за пределами Франции. Особенность создания «Chevalier errant» заключается в том, что автор, рыцарь-итальянец, писал на среднефранцузском языке, являвшимся для него родным, и был носителем итальянской, и французской культуры.

Томазо, маркиз Салуццо, был уроженцем Пьемонта. В XIII веке Пьемонт существовал в виде множества феодальных владений, в XIV веке маркграфство Пьемонт перешло вначале под власть французов, а спустя несколько лет – Савойского дома, став частью Савойского герцогства после установления единства Пьемонта с Савойей. Поэтому в Средневековье в этом регионе говорили на старофранцузском и среднефранцузском языках.

Произведение «Chevalier errant» было написано в течение двух лет, в 1394–1396 годах, когда Томмазо Салуццо находился в плена в Турине у Людовика Пьемонтского, потерпев поражение от графов Савойских.

Адресат произведения – эрудированная элита Пьемонта, знакомая с творчеством великих французских и итальянских поэтов прошлого и способная расшифровать заключенные в тексте сочинения аллегории и аллюзии, которые не всегда доступны для понимания современному читателю. Сочинение рассчитано на вдумчивое и многоуровневое прочтение: автор «пишет для таких читателей, которые не только знают литературу, повествующую о подвигах и любви, но и узнают себя в ней» [Мюллеталер 1984, с. 27].

Томмазо Салуццо, будучи высокообразованным человеком, писал «Chevalier errant» под влиянием французских аллегорических поэм, самой известной из которых была «Роман о Розе» XIII века Гийома де Лорриса и Жана де Мёна. «Chevalier

*errant» написан частично в стихах, частично в прозе. Автор представил в романе аллегорию собственной жизни – анонимный рыцарь совершает странствие по свету в поисках славы и богатства. Он попадает в мир любви (*le monde d'Amours*), фортуны (*le monde de Fortune*) и познания (*le monde de Congnoissance*). Но этот поиск, с позиций морали XIV века, не может в итоге увенчаться успехом. Доблесть, слава и богатство, главные составляющие рыцарского идеала, противопоставляются понятию *vanitas* (в значении «суета сует», «тщетность бытия»), и именно в этой антитезе заключается главный идейный смысл произведения. Рассмотрим подробнее составляющие данной антитезы.*

NEUF PREUX КАК ВОПЛОЩЕНИЕ РЫЦАРСКОГО ИДЕАЛА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В «Chevalier errant» представлен эталон рыцаря и правителя, вербализованный в описаниях легендарных героев и правителей прошлого.

В сюжете романа прошлое и настоящее причудливо переплетаются. Во время странствий автор-рыцарь попадает во дворец Великолепных (*palais des Esleus*), где встречает Девять доблестных мужей (*Neuf Preux*). Употребленный здесь эпитет *Esleus* (имеющий значения: «*excellent*» («превосходный, великолепный»), *distingué* («выдающийся, незаурядный»), *parfait* («совершенный») [Godefroy 1889, с. 480]) выражает общую положительную оценку персонажам, о которых пойдет речь далее, создает обобщенный образ выдающегося человека и заранее настраивает читателя на определенный способ восприятия.

В отсылке к *Neuf Preux* Томмазо Салуццо не оригинал: этот мотив встречается в легендах Франции и Италии еще за столетие до создания «Chevalier errant», а к XIV веку он стал своего рода топосом, распространенным в европейской средневековой культуре. Очевидно, Томмазо Салуццо был прекрасно знаком с преданиями о *Neuf Preux*, поэтому представляет повествование о Девяти доблестных мужах как собрание познавательных историй прошлого:

Lequel livre est extrait
et compile en partie
de plusieurs histoires
anciennes, et parle en
bref de tous les seigneurs
et dames de renommee
de l'ancien temps et du
present^{<>}.

Данная книга получена и составлена по частям из многих древних историй, и вкратце говорит о всех славных господах и дамах прошлых времен и настоящего^{<>}.

Neuf Preux символизировали «образец доблести, военной и государственной мощи» [Ворощен 2014, с. 3]. В более ранних средневековых

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

произведениях, как правило, мифологические, легендарные и исторические личности были организованы в три триады: три персонажа языческих (Гектор, Александр Македонский, Юлий Цезарь), три героя иудейских (Иисус Навин, Давид, Иуда Маккавей), три правителя христианских (король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский). Их оценочная характеристика восходит к средневековой традиции почитания героев прошлого: «les familles médiévales de haut rang ont eu besoin de héros identificatoires» [Bouchet 2009, c. 121].

Однако в «Chevalier errant» образ Neuf Preux подвергся переосмыслению. В своем произведении автор создает «искусственный куртуазный сияющий мир, наполненный символами, типичными для позднего Средневековья» [Ворошень 2014, c. 3]. Описание Neuf Preux начинается с хорошо известных средневековому читателю языческих царей (как исторических личностей, так и мифологических персонажей):

- Александра Македонского:

Moy Alixandre qui ja ne fuz
saoulez
Tant que je oz lemonde
dessouz moy subgiguez.

Я, Александр, который
не был удовлетворен,
Пока я весь мир себе
не покорил.

- Юлия Цезаря:

Cesar sui, le premier
empereur;
Par sens et par force
dominay le monde entour.

Я Цезарь, первый
император,
Умом и силой властвовал
во всем мире.

- Агамемнона:

Agamenon sui, l'empereur
des Gregois
Qui confondi Troye et
Priam et ses fors.

Я Агамемон, император
греков,
Который уничтожил Трою
и Приама, и его войска.

- Далее к ним присоединяется христианин король Артур:

Moy Artuz qui tant fuz
honnourez,
Car.xij. roys furent a moy
subgiez,
Et la Table Reonde qui fu
de tel postez.

Я Артур, который настолько
был почитаем,
так как 12 королей были
мне подвластны,
и Круглый стол, который
был так установлен.

Вопреки сложившимся к XIV веку канонам изображения Neuf Preux, автор относит к ним и своих старших современников – реальных правителей Франции и Италии, уже умерших к моменту создания произведения, например,

- Филиппа Красивого, короля Франции:

Roy bel Phelippe sui de
France la vaillant.

Я Филипп Красивый из
добрейшей Франции.

- графа Савойского:

Conte de Savoie fuz, et en
Ytalie, quant
l'empereur y fu pour ses
oeuvres faire,
et estoie son mareschal.

Я был графом Савойским,
и в Италии,
когда император там был
по своим делам,
был его маршалом

Положительная оценка дана поступкам героев (*subgiguez, dominay, confondi*), а также их волевым качествам и интеллекту.

Интересно, что в изображении прославленных королей как прошлого, так и современности одним из главных положительных черт является обладание властью. Из описания следует, что кодекс чести рыцаря в XIV веке включал в себя не только традиционную отвагу и смелость в бою, но и умение править, при этом не только с помощью силы, но и ума (*par sens et par force dominay*). Это обусловлено нравственными стереотипами эпохи: согласно средневековым представлениям, власть сюзерена дана от Бога, и любыественные отношения считались сакральными, и априори подразумевали положительную этическую оценку.

Оценочная характеристика каждого из героев выстроена по одной схеме: основание оценки (успех воина, предводителя и правителя) → одобрение со стороны автора (имплицитное, не выраженное в тексте) → положительная этическая оценка. При этом оценка представлена как «не имеющая субъекта истина в реальном мире» [Вольф 1985, с. 70].

С одной стороны, Neuf Preux описываются автором как идеализированные аллегорические образы прошлого, с другой – как реальные действующие лица повествования, с которыми главный герой (под которым скрывается Я автора) вступает в прямой диалог. По сути, в сюжет добавляется десятый герой-современник, сам Томазо Салуццо. Интересно, что, подражая великим людям прошлого, автор создает сам себе легендарную биографию:

Ma mère fu de Geneve
de la noble ligné
Le fort Olivier, le noble
combattant,
Qui fu preuz en armes et
fu cremuz tant,
Qui conquist Fierebraz,
le cremuz payn
Qui aux gens
Charlemaine menoit
bel hutin.

Моя мать была из Женевы из
благородного рода.
Сильный Оливье, благород-
ный воин,
Который был доблестным
в бою и настолько внушал
страх,
Который захватил Фиребра-
за, ужасного язычника,
Который среди людей Карла
Великого возглавлял пре-
красное сражение.

Добавив в свою родословную легендарного Оливе из «Песни о Роланде», автор стремится возвыситься себя и стать равным Neuf Preux. Здесь можно видеть изменение содержания рыцарского кодекса: для рыцаря XIV века становится важным не только личная отвага воина и слава правителя, но и древность рода, и героические предки.

Из анализа приведенных фрагментов сочинения следует, что в описании Neuf Preux, к которым автор относит и себя, реализована не только положительная оценка, но и соответствие норме, так как отвага, мудрость и успех воина и правителя всегда в Средневековье рассматривались как обязательные атрибуты истинного рыцаря.

VANITAS КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИСТИНЫ И ПОЗНАНИЯ

Сочинение «Chevalier errant», написанное в конце XIV века, оказалось на стыке двух эпох (Средневековья и Ренессанса) и двух культур (французской и итальянской), что отразилось в авторском понимании кодекса чести рыцаря. В XIV веке появляется новое для европейской рыцарской культуры понятие – *vanitas*, которое следует толковать как «тщетность усилий человека», «тщетность стремления людей к обладанию ложными благами».

Многие качества рыцаря, традиционно считавшиеся добродетельными, теперь приобретают противоположную оценку. Neuf Preux, символизировавшие доблесть, власть, признание и богатство, демонстрируют оборотную сторону успеха, расплатой за который стало вероломное убийство:

- Александр Македонский:

Bien petit me dura
ytellez poostez
Car cil en qui plus
me fioye si m'a
envenimez.

Очень недолго длилось
такое мое могущество
Так как тот, в кого я более
всего верил, меня
отравил.

- Юлий Цезарь:

Quant j'estoye a Romme a
tel baudour,
Ou Capitole me murtrirent,
la fina ma valour.

Когда я был в Риме в та-
кой радости,
У Капитолия меня убили,
Там закончилась моя
власть.

- Агамемнон:

Au reppariez de Grece, en
mer mes gens furent
encloz,
Et ma femme en ma terre
me murtri et me vira
le doz.

При отплытии из Греции
мои люди оказались в
западне в море,
И моя жена на моей зем-
ле меня убила и меня
поразила в спину.

- король Артур

Mordret mon filz me tua et
je l'ay detrenchiez.

Мордред – мой сын
меня убил, и я его
уничижил.

- Филипп Красивый

Quant j'alo耶 en France
par mes forests
chaquant
A un arbre me tuay, qui a
moy vint devant.

Когда я ехал во Фран-
ции по моим лесам,
охотясь,
У дерева меня убил тот,
кто ехал возле меня.

Во всех приведенных примерах автор делает акцент на обстоятельствах насильственной смерти героев (*m'a envenimez, me murtrirent, ma femme me murtri, mon filz me tua, me tuay qui vint devant*) – чем более яркой была их жизнь, тем более жалкой оказывается смерть. Антитеза *славная жизнь / бесславный конец* употреблена, чтобы лучше раскрыть понятие «*vanitas*», символизирующего мимолетность достижений человека и «брэнность земного бытия».

В «Chevalier errant» фигурирует персонаж Дама Фортуна (Dame Fortune), аллегорически воплощающая *vanitas*:

Tous a un cri et a une
voix disoient: «Aide,
Dame Fortune»; Lors
veissiez faire choses
espouventablez, car elle
fist prandre de ces prelaz
et de ceulz roys et par ses
menistrez les faisoit ruer
de la haute roche juz; et
qui plus hault avoit son
siege, tant de plus hault
tresbuchoit.

Все кричали и в один
голос говорили: «Помо-
ги, Дама Фортуна». И Вы
видели, как свершаются
вещи ужасающие: она
велела хватать кого-то
из этих прелатов и коро-
лей, и с помощью своих
помощников их бросала
с высокой скалы; и чем
выше был их трон, с тем
большой высоты они
низыгались.

В данном отрывке показано, как стремление к земным благам в своем высшем проявлении превращается в смертный грех для любого христианина, тщеславие и гордыня. Фортуна, с одной стороны, символизирует *vanitas* с соответствующим философско-этическим содержанием, с другой – выступает жестоким, но справедливым судьей, карающим неблагодарных: «ненадежность Фортуны свидетельствует об иллюзорности любой мечты о славе, об уязвимости великих людей и политических расчетов» [Мюллеталер 1984, с. 23]. С помощью Фортуны главный герой познает Истину:

Vanite, vanite, et toutes
choses sont vanitez, car
generacion passe et puis
revient et devient terre qui
durera puis sanz fin.

Суета сует, всё суета, так
как род проходит, и род
приходит, и становится
землей, а земля пребы-
вает во веки.

Приведенная автором цитата из Екклезиаста (в которую автор добавляет от себя слова *generacion devient terre* – *род становится землей* с целью усилить эмоциональное воздействие на читателя) указывает на смену жизненных ориентиров.

Стремление к земной славе, неограниченной власти и богатству оказывается призрачным самообманом:

La goute de rousee,
quant on la voit de
loing, ressemble une
pierre precieuse, et
quant on la cuide
penre, si chiet a terre et
devient neant.

Капля росы, когда ее видят издали, похожа на драгоценный камень, но, когда стремится ее взять, она падает на землю и становится пустотой.

Развернутая метафора (слава и успех = капля росы, которой невозможно завладеть) иллюстрирует содержание понятия «*vanitas*»: изменение личного восприятия автора отражает смену мировоззрения XIV века.

Через отрижение ложных ценностей главный герой подходит к Познанию (*le monde de Congnoissance*). Он познает Истину через приобщение к «*vertuz*» – понятию, объединяющему доблесть воина и добродетель христианина:

Vertuz fait l'omme hardy
comme lyon, fort comme
olifant, ferme et durable
comme le soleil qui
toujours queurt et n'est
oncquez laz, dont il n'est
proueuce fors en vertu.

Добродетель делает человека отважным как лев, крепким как слоновая кость, стойким и выносливым как солнце, которое всегда движется и никогда не устает, и нет доблести вне добродетели.

«*Vertuz*» (которое мы условно перевели как «добродетель») в понимании автора – понятие более широкое, чем воинская доблесть и христианская праведность. В рассмотренном примере присутствуют все возможные эпитеты, дающие положительную этическую оценку ратным качествам рыцаря: *hardy, fort, ferme, durable*. *Vertuz* представлено как соединение религиозного и светского начал в одной ипостаси, воплощение кодекса чести рыцаря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурный феномен *vanitas*, рассмотренный в статье на материале среднефранцузского произведения «*Chevalier errant*» Томмазо Салуццо, позволяет сделать следующие выводы об эволюции содержания кодекса чести рыцаря:

- мировоззрение автора сложилось под влиянием социальных и политических процессов, происходивших во Франции и Италии в конце XIV века;
- сочинение отражает оценку, данную высокообразованным сеньором, рыцарем-аристократом по отношению к своей социальной группе, обобщенным аллегорическим образом которой выступают *Neuf Preux*;
- через аллегорические образы *Neuf Preux* автор демонстрирует истинные и ложные ценности, выражая сложную концепцию жизненного пути человека;
- нравственные стереотипы существенно переосмыслены в XIV веке: то, что считалось обязательным атрибутом рыцарства в XII–XIII веках (совершение подвигов, которые влекли за собой награду – обретение власти, успеха и богатства), теперь подвергается осуждению и воспринимается как смертный грех гордыни;
- новое для культуры Европы XIV века понятие «*vanitas*» не отрицает кодекс чести рыцаря предыдущих эпох, но смещает акцент. С помощью *vanitas* автор показывает путь главного героя к спасению через нравственное и физическое совершенствование. Главным в кодексе чести рыцаря становится не *virtus* (войинская доблесть), а *vertuz* (соединение христианской добродетели и эталона рыцарства). В истинном рыцаре XIV века светское и сакральное соединяются, не противореча друг другу.

Таким образом, на основе анализа текста сочинения можно судить об эволюции моральной доктрины: доблесть и слава воина, воспеваемая с античных времен, мудрость и власть правителя, особо почитавшиеся в Средневековье, под влиянием *vanitas* в XIV веке не обесцениваются, а приобретают иное звучание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мюлетеалер Ж.-К. Между прозой и стихами, дидактикой и стихотворением на случай: придворный праздник Карла VI в разнородных текстах (Мишель Петнуен – Томмазо Ди Салуццо – Эсташ Дешан). Вестник ПСГУ. III: Филология. 2013. Вып. 3 (33). С. 14–32.
2. Godefroy Frederic. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

3. Ворошень В. А. «Девять доблестных мужей» и «Девять доблестных жен» в Западноевропейском изобразительном искусстве XIV–XVI веков: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2014
4. Bouchet Florence. Héroïnes et mémoire familiale dans le «Chevalier errant» de Thomas de Saluces //Clio. Femmes, Genre, Histoire. Toulouse, Presses Universitaires du Mirail, №30, 2009. P.119–135
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985

REFERENCES

1. Myuletaler, ZH.-K. (2013). Between prose and poetry, didactics and a poem for the occasion: the court feast of Charles VI in heterogeneous texts (Michel Petnouin – Tommaso Di Saluzzo – Eustache Deschamps). St Tikhon's University Review. Series. III: Filologiya, 14–32.
2. Godefroy, Frederic. (1889). Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur.
3. Voroshen, V. A. (2014). «Devyat' doblestnyh muzhej» i «Devyat' doblestnyh zhen» v Zapadnoevropejskom izobrazitel'nom iskusstve HIV-HVI vekov = “Nine Valiant Husbands” and “Nine Valiant Wives” in Western European fine Art of the XIV–XVI centuries: abstract of Doctorate in Philology. (In Russ.)
4. Bouchet, Florence. (2009). Héroïnes et mémoire familiale dans le «Chevalier errant» de Thomas de Saluces. Clio. Femmes, Genre, Histoire. Toulouse, Presses Universitaires du Mirail, №30, 119–135
5. Vol'f, E. M. (1985). Funkcional'naya semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 15.09.2022
одобрена после рецензирования 11.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 15.09.2022
approved after reviewing 11.10.2022
accepted for publication 14.11.2022